

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

THE TRANSFORMATION
OF THE EXPRESSION OF WILL
IN THE DIGITAL AGE

А. Карпов

Summary. The article is devoted to the study of the transformation of the concept of expression of will in the context of digitalization of public relations. The author analyzes the legal nature of the expression of will, its correlation with the internal will of participants in civil relations. Special attention is paid to the consideration of the features of the expression of will when using smart contracts, as well as the problems of legal regulation of this institution. The paper substantiates the need to ensure the rule of law over technological tools, while maintaining opportunities for the development of smart contracts within the legal framework.

Keywords: will, expression of will, action, transaction, consent, agreement, decision, messages, digitalization.

Карпов Алексей Николаевич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

realkarpov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации понятия волеизъявления в условиях цифровизации общественных отношений. Автор анализирует правовую природу волеизъявления, его соотношение с внутренней волей участников гражданских правоотношений. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей волеизъявления при использовании смарт-контрактов, а также проблемам правового регулирования данного института. В работе обосновывается необходимость обеспечения верховенства закона над технологическими инструментами, при этом сохраняя возможности для развития смарт-контрактов в рамках правового поля.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, действие, сделка, согласие, соглашение, решение, сообщения, цифровизация.

Введение

В современных условиях цифровой трансформации общества возникает необходимость переосмысления традиционных подходов к пониманию воли и волеизъявления. Появление новых технологических инструментов, таких как смарт-контракты, ставит вопрос о возможности автоматизированного выражения воли и ее юридической значимости. Кроме того, перспективы развития искусственного интеллекта порождают дискуссию о возможности наделения его правоспособностью и, соответственно, способностью к волеизъявлению.

Таким образом, исследование трансформации воли и волеизъявления в условиях цифровизации является актуальной научной задачей, требующей комплексного анализа с учетом как теоретических, так и практических аспектов. Данная статья направлена на изучение изменений, происходящих с данными правовыми категориями, а также на выявление проблем и перспектив их развития в цифровую эпоху.

Воля является ключевым элементом в гражданских правоотношениях, в том числе при совершении сделок. Статья 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) определяет сделку как действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Анализ норм Гражданского кодекса показывает, что воля в сделке играет ключевую роль, поскольку именно воля участников сделки лежит в основе ее совершения и порождает

возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

В научной литературе существуют различные концепции понимания воли. Воля может рассматриваться как преодоление препятствий, как усилие, как способность к сознательному регулированию поведения и деятельности, а также как желание, согласие [4]. Несмотря на многообразие подходов, воля в праве, прежде всего, связана с волеизъявлением, то есть с внешним выражением внутренней воли участников правоотношений [3].

Соответственно, в сделке необходимо разграничивать волю и ее внешнее выражение, которое собственно и является волеизъявлением [1]. Воля — это внутренний психологический процесс, в то время как волеизъявление представляет собой внешнее проявление этого процесса. Только волеизъявление, соответствующее внутренней воле участников сделки, может породить юридические последствия.

Процесс формирования воли человека, направленной на совершение сделки (волеобразование), проходит три стадии: возникновение потребности и осознание способов ее удовлетворения, выбор способа удовлетворения потребности и принятие решения совершить сделку. На каждом этапе воля участников сделки играет ключевую роль, поскольку именно она определяет содержание и направленность действий, ведущих к заключению сделки.

Волеизъявление в сделке может осуществляться различными способами, так в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) можно выделить несколько способов выражения воли и согласия на заключение сделки:

Письменное (ст. 26, ст.41 ГК РФ) и устное согласие (ст.982 ГК РФ), данные согласия можно охарактеризовать прямым волеизъявлением;

Согласие, выраженное путем совершения конклюдентных действий, подтверждающее наличие воли у субъекта (ст. 1134 ГК РФ);

Согласие, выраженное посредством молчания, то есть несообщения о несогласии. Данный способ применяется в определенных законодательством случаях, например ст. 898 ГК РФ

Необходимо отметить, что для действительности сделки необходимо, чтобы волеизъявление полностью соответствовало внутренней воле ее участников. Несоответствие между внутренней волей и ее внешним выражением может повлечь признание сделки недействительной. Сделка как волевой юридический акт опирается не только на желание совершить сделку и сообщение об этом желании другим лицам, но и на единство внутренней воли и волеизъявления (например, если сделка заключается под влиянием насилия и угрозы, это явно свидетельствует об отсутствии внутренней воли гражданина на совершение этой сделки) [2].

В случае со смарт-контрактом можно утверждать о том, что внешнее проявление внутренней воли здесь выражается в программном коде, в котором, собственно, и зашифрованы права и обязанности каждой из сторон соглашения. Программный код здесь выступает в качестве определенного языка и если стороны используют иностранный язык при заключении договора это также свидетельствует о волеизъявлении, как и программный код в смарт-контракте.

Смарт-контракты представляют собой программы для ЭВМ, осуществляющие юридически значимые действия по заранее определенным алгоритмам, изложенные в виде программного кода. Они характеризуются автоматическим исполнением условий договора при наступлении определенных обстоятельств без дополнительного волеизъявления сторон. Смарт-контракты могут быть реализованы как с помощью традиционных технологий, так и с использованием технологий блокчейн и распределенных реестров, которые позволяют внедрять более сложные правила и механизмы принуждения.

Области применения смарт-контрактов весьма разнообразны. Они могут использоваться в финансовом

секторе, логистике, страховании, сфере недвижимости. Смарт-контракты позволяют автоматизировать различные процессы, такие как обработка платежей, доставка товаров, управление дефектами и изменениями в договорах [5]. Их использование способно снизить транзакционные издержки, повысить безопасность и прозрачность операций [6].

С юридической точки зрения смарт-контракты выполняют две основные функции. Во-первых, они могут служить функциональным эквивалентом договора, поскольку их технологический код способен определять предмет обязательств и условия их исполнения. Во-вторых, смарт-контракты могут выступать в качестве инструмента исполнения договоров путем контроля, мониторинга и документирования обмена услугами. Таким образом, смарт-контракты сочетают в себе элементы как заключения, так и исполнения договорных отношений [7].

При этом, правовая квалификация смарт-контрактов вызывает ряд вопросов. С одной стороны, свобода договора предоставляет возможность сторонам связывать себя обязательствами в электронной форме, в том числе посредством программного кода. С другой стороны, технический код смарт-контрактов не всегда совпадает с юридическим содержанием договора, что может приводить к коллизиям между нормативным порядком цифрового и правовым порядком договора. Законодатель должен обеспечить примат закона над технологическими инструментами принуждения.

Заключение смарт-контрактов предполагает наличие волеизъявления сторон, которое может быть выражено как в человеческом языке, так и в форме программного кода. При этом автоматизированные волеизъявления, генерируемые технологией на основе заранее определенных правил, также признаются юридически значимыми. Предложения на основе смарт-контрактов следует квалифицировать как обязывающие, но условные оферты, адресованные неопределенному кругу лиц.

Исполнение смарт-контрактов осуществляется автоматически в соответствии с их программным кодом, что может вступать в противоречие с правовыми нормами, регулирующими пределы в том числе принуждения.

Несмотря на быстрое распространение смарт-контрактов, классические договоры сохраняют свое значение, поскольку им присущ более высокий дифференцирующий и оценочный потенциал, необходимый для регулирования неопределенных обстоятельств в том числе и волеизъявления. Смарт-контракты и договорное право находятся в отношениях взаимозависимости, а не альтернативности или исключительности. Законодатель должен обеспечить верховенство закона над технологическими инструментами, сохраняя при этом

возможности для развития смарт-контрактов в рамках правового поля.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровизация оказывает существенное влияние на трансформацию воли и волеизъявления в гражданском праве. Появление новых технологических инструментов, таких как смарт-контракты, ставит вопрос о возможности автоматизированного выражения воли и ее юридической значимости. При этом законодатель должен обеспечить примат закона над технологическими средствами, сохраняя при этом возможности для развития инновационных решений в рамках правового поля.

Перспективы развития искусственного интеллекта также порождают дискуссию о возможности наделяния его правоспособностью и, соответственно, способностью к волеизъявлению. Данный вопрос требует дальнейшего научного осмысления и законодательного регулирования, учитывающего как технологические, так и этические аспекты.

Таким образом, трансформация воли и волеизъявления в цифровую эпоху представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода к его изучению и правовому регулированию. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать развитию теории гражданского права и совершенствованию законодательства, обеспечивающего баланс между инновациями и правовой определенностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. М.: Зерцало, 2003. С. 712–713.
2. Керимов Д.И. Философские проблемы права. С. 466, 467.
3. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 97.
4. Селиванов В.И. Психология волевой активности. Рязань, 1974, с. 39.
5. Fries M. Verbraucherrechtsdurchsetzung. Mohr Siebeck, 2020, 309 S.
6. Möslin F. Legal Boundaries of Blockchain Technologies: Smart Contracts as Self-Help Digital Revolution — New Challenges for Law. Ed. by A. De Franceschi, R. Schulze, M. Graziadei, O. Pollicino, F. Riente, S. Sica, P. Sirena. 2019. Forthcoming. Pp. 313–326. (In Eng.).
7. Möslin G. Smart Contracts // Kap. 8 Rechtsgeschäftslehre und Smart Contracts, 2019. S. 81–98.

© Карпов Алексей Николаевич (realkarpov@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»